

DOI: 10.31862/2500-2988-2026-17-1-41-57

УДК 94(47).081

И.С. Соловьёв

Московский педагогический государственный университет,
119435, г. Москва, Российская Федерация

Гарибальдийцы – участники Январского восстания в Царстве Польском 1863–1864 гг.: легион полковника Ф. Нулло

В статье анализируются судьбы бойцов гарибальдийского франко-итальянского Легиона полковника Ф. Нулло – участников Январского восстания в Царстве Польском 1863–1864 гг., оказавшихся в российском плену и по приговору военно-полевого суда отправленных в сибирскую ссылку. Дается характеристика обстоятельствам формирования Легиона, его составу, боевому пути, судебному процессу над гарибальдийцами, их пребыванию на каторге, процессу освобождения и пр. Исследуются контакты дипломатических ведомств Российской империи, Италии и Франции по данному вопросу, для чего автор впервые в историографии темы привлекает материалы фондов Архива внешней политики Российской империи.

Ключевые слова: Царство Польское, Российская империя, Январское восстание в Польше, национальные движения, европейские революции, гарибальдийцы, сибирская ссылка, полковник Ф. Нулло, Л. Кароли, Э. Андреоли

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Соловьёв И.С. Гарибальдийцы – участники Январского восстания в Царстве Польском 1863–1864 гг.: Легион полковника Ф. Нулло // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2026. Т. 17. № 1. С. 41–57 DOI: 10.31862/2500-2988-2026-17-1-41-57

© Соловьёв И.С., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.31862/2500-2988-2026-17-1-41-57

I.S. Solovyov

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

Garibaldians – participants in the January Uprising in the Kingdom of Poland 1863–1864: Colonel F. Nullo’s Legion

The article analyzes the fates of the fighters of Colonel F. Nullo’s Franco-Italian Garibaldi Legion – participants in the January Uprising in the Kingdom of Poland in 1863–1864, who were captured by Russia and sentenced to Siberian exile by a court martial. It describes the circumstances of the Legion’s formation, its composition, combat history, the trial of the Garibaldians, their time in penal servitude, and their subsequent release. It examines the diplomatic contacts between the Russian Empire, Italy, and France on this issue, for which the author, for the first time in the historiography of the topic, draws on materials from the collections of the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire.

Key words: Kingdom of Poland, Russian Empire, January Uprising in Poland, national movements, European revolutions, Garibaldians, Siberian exile, Colonel F. Nullo, L. Caroli, E. Andreoli

CITATION: Solovyov I.S. Garibaldians – participants in the January Uprising in the Kingdom of Poland 1863–1864: Colonel F. Nullo’s Legion. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2026. Vol. 17. No. 1. Pp. 41–57. (In Rus.). DOI: 10.31862/2500-2988-2026-17-1-41-57

Девятнадцатый век называют «веком революционных идей». В европейском политическом ландшафте отразились происходившие тогда национальные революции. В этих условиях движение Рисорджименто неоднократно пересекалось с польским национальным движением¹. Оба они развивались параллельно, возникли на одной и той же культурной почве романтического национализма, либерального конституционализма и опыта вооруженного волонтерства, представители которого рассматривали национальное освобождение как часть более широкого «дела народов».

Январское восстание 1863–1864 гг. в Царстве Польском неслучайно оказалось важным не только для польских повстанцев и активистов-эмигрантов, но и небольшого международного авангарда волонтеров, преданных делу революционной борьбы. Именно в него входил и франко-итальянский контингент под командованием полковника Франческо Нулло (1826–1863)², близкого соратника Джузеппе Гарибальди.

В исторической памяти народов Италии и Польши сохранился символический смысл тех событий. В них видели пример солидарности между борьбой Рисорджименто и усилиями польского национально-освободительного движения.

Культурное родство, которое подчеркивалось в литературе и периодической печати того времени, усиливало у итальянцев симпатию к Польше. Следует отметить, что польские восстания являлись постоянной темой в итальянском общественном дискурсе, прежде всего, в кругах либерального национализма XIX в. (об этом говорилось в донесениях русских дипломатов Н.П. Поггенполя и А.Я. Скарятина из Неаполя в 1862–1863 гг.³).

Многие итальянские патриоты воспринимали польскую борьбу как аналогичную собственной: оба народа представлялись как жертвы

¹ Польские революционеры играли заметную роль в борьбе периода Рисорджименто. Например, яркими эпизодами являются участие сформированного великим польским поэтом-романтиком А. Мицкевичем (1798–1855) Польского легиона в событиях 1848–1849 гг. в Ломбардии, Генуе, Риме и пр., а также назначение королем Карлом-Альбертом генерала В. Хшановского (1793–1861) главнокомандующим сардинской армией во время Первой войны за объединение Италии 1848–1849 г., деятельность графа В. Замойского (1803–1868) по созданию отрядов польских добровольцев и т.д.

² Нулло был видной фигурой в радикальной добровольческой среде, участником восстания в Ломбардии 1848 г., обороны Римской республики 1849 г., партизанской войны в Калабрии, экспедиции знаменитой гарибальдийской «Тысячи» на Сицилию в 1860 г. и пр.

³ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 722 (Константин Николаевич, Великий Князь, Сын Императора Николая I, Генерал-Адмирал). Оп. 1. 1862–1863 гг. Д. 411. Донесения Н.П. Поггенполя и А.Я. Скарятина из Неаполя. Л. 1–22 об.

династического и имперского раздела⁴. Отдельные деятели Рисорджименто принимали в ней активное участие.

Легион Нулло, обычно именуемый в современной историографии «Гарибальдийским» легионом, представляет собой наглядный пример международного революционного волонтерства второй половины XIX в. Его короткая кампания весны 1863 г. и последующая судьба бойцов показывает столкновение крупнейших национальных движений Европы с интересами Российской империи. Анализ боевой истории легиона и судеб его членов требует привлечения имеющихся документальных данных о наборе, составе и передвижениях с оценкой оперативной обстановки, в которую попали эти волонтеры.

Историю Легиона Нулло рассматривали польские историки К. Ферлей-Белянска [9], А. Островский [15], а также итальянские исследователи Дж.М. Локателли [11–14], А. Занки [16], А. Роберти [6], английский автор М. Гарднер [10] и др.

Среди исследований отечественных авторов обращают на себя внимание статьи советского историка Б.Г. Кубалова (1879–1966) [2–5] и современного исследователя А.С. Гулина (Российский государственный гуманитарный университет), в частности, его вступительная статья [1] к публикации воспоминаний одного из участников похода – французского журналиста Э. Андреоли. Их единственный перевод на русский язык также принадлежит Гулину, который первым в отечественной историографии осуществил реконструкцию боевого пути Легиона Нулло и дальнейшей судьбы его членов.

Источниковая база для изучения истории Легиона обширна и включает материалы Архива внешней политики Российской империи, ранее не становившиеся объектом исторического исследования⁵. Тематические материалы также находятся в Государственном архиве Российской Федерации⁶ и ряде других архивохранилищ страны. Важным

⁴ Важную роль здесь сыграла активная деятельность польских эмигрантских сетей, которые поддерживали «польский вопрос» по всей Западной Европе (например, сообщество «Отель Ламбер», называемое так по особняку в центре Парижа, где проживал знаменитый князь А.Е. Чарторыйский (1770–1861) и собирались сторонники консервативного направления польской эмиграции).

⁵ Архив внешней политики Российской империи. Ф. 155 (Департамент внутренних сношений I – 4 «секретные дела»). Оп. 306. 1863 г. Д. 19. По отношению Управляющего III Отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии о пересылаемых из Варшавы в Сибирь итальянцах, взятых в числе инсургентов в Царстве Польском; Там же. Оп. 241. 1866 г. Д. 10. По отношению министра внутренних дел о находящихся в Сибири политических ссыльных иностранцах.

⁶ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109 (Третье Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии). Оп. 38. 1-я экспедиция. 1863 г. Д. 23. Ч. 226. О беспорядках в Царстве Польском и в западных губерниях: об итальянцах, отправленных из Царства Польского в Сибирь за участие в мятеже.

источником являются воспоминания участников экспедиции Легиона – Э. Андреоли⁷ и А. Венансио. Свои записки Андреоли публиковал с 1869 г. во французском журнале «Revue moderne». Воспоминания Венансио были продиктованы им бергамскому историку Дж.М. Локатели, который впервые издал их в 1894 г. под названием «I bergamaschi in Siberia 1863–1867» [12].

Инициатива помощи польским повстанцам была следствием, с одной стороны, личных взглядов Нулло, а с другой – внутривосточной обстановки в молодом итальянском государстве, сложившейся после знаменитого боя при Аспромонте⁸. Ветеран Рисорджименто, Нулло сочетал в себе богатый военный опыт, в частности, формирования и командования повстанческими отрядами⁹, и приверженность радикальным республиканским идеям, а потому считал своим долгом оказать активную помощь восстанию.

Непосредственное влияние на его мотивацию оказали и политические события 1862–1863 гг. в Италии: падение правительства У. Ратацци после бурной общественной критики в связи с эпизодом в Аспромонте и резкие заявления главы кратковременного нового правительства Л. Фарини (имевшего на тот момент серьезные психические заболевания) в сторону короля Виктора-Эммануила II с требованием немедленной военной и дипломатической помощи восставшим полякам [1, с. 11]. Хотя действия Фарини и были сочтены неблагоприятными и привели вскоре к его отставке, однако стали для Нулло и его единомышленников, посчитавших, что тогдашние европейские правительства не окажут существенной поддержки Польше, призывом к действию.

Еще одним ключевым аргументом была позиция идейных лидеров Рисорджименто Дж. Мадзини и Дж. Гарибальди. Взгляды Мадзини на борьбу польских революционеров оказывали существенное влияние на среду изгнанных, добровольцев и ветеранов-карбонариев, активно помогавших делу национального освобождения в Италии и за ее пределами. Скептически относясь к возможности вооруженных волонтеров существенно повлиять на исход восстания в Царстве Польском, он не сомневался в самой необходимости помощи польским повстанцам, более того, считал ее долгом итальянцев.

⁷ Андреоли Э. Из Польши в Сибирь: дневник пленного, 1863–1867 / пер. с фр., вступ. ст., примеч. А.С. Гулина. Чита, 2011.

⁸ В бою при Аспромонте 29 августа 1862 г. отряд добровольцев Дж. Гарибальди (в числе которых был и Нулло), двигавшийся на Рим с целью включить его в состав молодого итальянского государства, был остановлен итальянскими же королевскими войсками Виктора-Эммануила II, опасавшегося негативной реакции Франции. После непродолжительного боя Гарибальди, приказавший не стрелять в нападавших, был ранен и взят в плен, а его сторонники частью пленены, частью скрылись.

⁹ Например, «Железной бригадой» в составе «Тысячи».

Показательны строки его письма из Лондона в марте 1863 г. Он писал: ««Клич – да здравствует Польша!» является кличем Италии, кличем Европы, кличем всех тех, которые в душе протестуют во имя права и вечной справедливости против произвола, тирании и зла» [цит. по: 8, с. 253]. Однако там же Мадзини констатирует: «Польше нельзя помочь недействительными протестами или виватами в честь умирающих; нельзя помочь ей посылкою немногих эмигрантов, большинство которых арестовывается враждебными правительствами раньше, чем успеют перейти границу <...> помочь Польше можно – расширив круг восстания, открыв путь для необходимого ей оружия, дав ей вместо враждебных правительств дружественные народы. Спасение Польши обретается в Венеции, в Белграде, в Пеште» [цит. по: 8, с. 253–254].

Позицию Мадзини разделял и Гарибальди. В письме с о. Капрера к польской эмиграции 5 февраля 1863 г. он писал: «Мои братья по оружию! Вы просите у меня слова – я хотел бы предложить Вам дела. Вполне справедливо, чтобы Италия взволновалась из-за вас, проливших свою кровь на полях битв за ее искупление, – и я на это надеюсь» [цит. по: 8, с. 256–257].

Состав Легиона, собравшегося в Кракове в конце апреля – начале мая 1863 г., был весьма неоднородным по национальному и региональному признакам и уровню боевой подготовки к партизанской войне. Он был сформирован в Бергамо во многом на средства еще одного активного участника движения Рисорджименто, графа Луиджи Кароли¹⁰ (1834–1865) [10, с. 331]. Однако не все итальянцы добрались до Польши, поскольку были задержаны австрийской полицией [9, с. 161–162].

В конечном составе Легиона [Там же, с. 159–160] оказалось 16 итальянцев¹¹ (10 из Бергамо, 2 из Комо, 2 из Швейцарии, 1 из Реджо-нель-Эмилия и 1 сицилиец), 7 французов¹² и 3 поляка¹³. Формально Легион был интегрирован в более широкое боевое соединение – т.н. «Мазовецкий корпус» полковника Юзефа Кароля Миневского (1841–1926). Он включал в себя около 600 чел. [Там же, с. 162] и представлял собой разношерстную и плохо сплоченную группу, где пылкие добровольцы и студенты находились бок о бок с авантюристами, которых привлекли форма и жалованье.

¹⁰ Офицер Королевского Пьемонтского кавалерийского полка, сражавшийся некогда при Мадженте и Сольферино, а на тот момент жаждавший искупить в глазах итальянской общественности позор, связанный с романом с невестой самого Дж. Гарибальди маркизой Джузеппиной Раймонди, за который тот проклял Кароли и запретил участвовать в Экспедиции Тысячи [10, с. 330–331].

¹¹ Все из них, кроме Л. Кароли, были ветеранами войск Дж. Гарибальди [9, с. 160].

¹² В частности, автор упомянутых выше воспоминаний парижский журналист и историк корсиканец Эмиль Андреоли.

¹³ Прежде всего, переводчики.

Миневский величал себя «генералом» и стремился осуществлять единоличное командование, что вызывало острую критику со стороны Ф. Нулло, его адъютантов Л. Кароли и С.Э. Маркетти и рядовых членов Легиона, в частности, Э. Андреоли¹⁴.

Боевые действия группировки Миневского и Легиона Нулло отличал сумбурный характер. В ночь со 2 на 3 мая 1863 г. отряд тайно отбыл и 4 мая переправился из Галиции в Царство Польское. Уже после первого столкновения с немногочисленным русским патрулем у границы началось дезертирство из корпуса Миневского.

Отсутствие у командиров повстанцев точных сведений о дислокации и передвижениях противника (особенно на фоне своевременно полученных русскими от агентуры в Кракове и австрийских сил правопорядка данных) привело их к катастрофе близ деревни Кшикавки, на подступах к Олькушу. Легион Нулло был разгромлен силами 4-й, 7-й и 9-й рот Витебского пехотного полка генерала А.И. Шаховского (1822–1891) 5 мая [9, с. 163–164]. В тактическом отношении повстанцы, полагавшиеся на свой боевой дух и эффект неожиданности (который давно был ими утрачен), оказались в крайне невыгодном положении по сравнению с русскими регулярными войсками, имевшими численное превосходство и действовавшими в соответствии со скоординированным маневром.

Нулло погиб, пытаясь поднять бойцов в атаку, погиб также и капитан Маркетти. 7 мая остатки «Мазовецкого корпуса» под командованием Миневского отступили на территорию Австрийской империи. В плен попало около 30 иностранных повстанцев, в их числе итальянцы А. Джуппони, братья Меули, Ф. Арканджели, Дж. Клеричи, А. Бенди (Борджиа) и Л. Кароли и др.; французы – Э. Андреоли, Л.-А. Дие и др.; и несколько поляков [Там же, с. 160–161]. Остальным иностранцам удалось укрыться на австрийской территории, откуда после ареста они были высланы властями на родину. Следы части бывших легионеров затерялись.

Следует подчеркнуть, что эти события имели важные символические последствия. «Мученичество Нулло» нашло отклик в итальянской и польской общественной памяти как яркое выражение межнациональной солидарности [Там же, с. 5–7]. Ветеран Рисорджименто, один из ближайших соратников Дж. Гарибальди, погибший за чужое, но «славное» дело, был вписан в нарратив о взаимном долге и героическом самопожертвовании.

¹⁴ Андреоли Э. Из Польши в Сибирь: дневник пленного, 1863–1867 / пер. с фр., вступ. ст., примеч. А.С. Гулина. Чита, 2011. С. 84.

Военно-судебный процесс над пленными гарибальдийцами, которых содержали сначала в Ченстохове, а с 17 июня в Александровской цитадели Варшавы, является важным примером функционирования российского имперского чрезвычайного правосудия в Царстве Польском¹⁵.

С одной стороны, ему присущи характерные черты действия механизма государственного контроля в условиях активной борьбы с повстанцами. Полевой суд собирался по ускоренному графику и комплектовался действующими офицерами, набранными из соседних подразделений¹⁶ [9, с. 173–174]. Юридически это было допустимо, т.к. в соответствии с военными уставами для полевых трибуналов военного времени на практике означало, что судебный орган был тесно связан со структурой командования и решал первостепенные задачи военной кампании против повстанцев. Следствие и суд продвигались стремительно¹⁷. Их отличали сокращенные слушания отчетов командиров, последовательное применение военных уставов и ограниченные возможности защиты подсудимых – реакция на условия военного времени.

С другой стороны, имело место особое внимание российских властей¹⁸ к данному процессу. Оно было вызвано усиленным международным дипломатическим давлением европейских держав (прежде всего, Франции и Италии) в связи с событиями в Польше [Там же, с. 172], превратившем пленных иностранцев в объекты межгосударственного интереса и выведшем на первый план роль политического расчета высшего уровня. В конечном итоге, это привело к особенной правовой интерпретации российской имперской администрацией в Царстве Польском иностранного военного участия в восстании.

Приговоры были вынесены 26 июня 1863 г., утверждены Полевым аудиториатом в Варшаве и конфирмованы 1 июля 1863 г. наместником

¹⁵ Олицетворяемого такими разными фигурами как сторонник «мягкой силы» наместник Царства Польского в октябре 1863 г. – январе 1874 г. гр. Ф.Ф. Берг и знаменитым своими жесткими мерами виленским генерал-губернатором в 1863–1865 гг. гр. М.Н. Муравьевым.

¹⁶ В случае с гарибальдийцами из Кексгольмского гренадерского Императора Австрийского и Санкт-Петербургского гренадерского короля Фридриха-Вильгельма III полков, а также 1-го и 2-го саперных батальонов.

¹⁷ 21 июня командующий войсками Варшавского военного округа барон П.И. Корф отдал приказ о проведении суда над военнопленными в Кексгольмском гренадерском полку, а уже 23 июня состоялось первое заседание.

¹⁸ 24 мая Дипломатическая канцелярия при Наместнике Царства Польского вел. кн. Константине Николаевиче запросила у начальника штаба генерала А.Ф. Минквица сведения о пленниках иностранцах, за исключением прусских и австрийских подданных, прежде всего, французах и итальянцах. В ответ 1 июня начальник отдела Варшавско-Венской железной дороги барон Раден сообщил в Ставку список взятых в плен при Кшикавке. А 15 июня великий князь принимает решение об их скорейшей отправке в Варшаву [9, с. 172–173].

Царства Польского (май 1862 г. – октябрь 1863 г.) вел. кн. Константином Николаевичем.

Отметим, что судебная российская система имела законные основания вынести гарибальдийцам как лицам, «взятым в плен с оружием в руках» и имеющим «явное намерение принимать деятельное участие в вооруженном восстании»¹⁹, в соответствие со ст. 185, Т. XV Свода законов Российской империи и ст. 174 и 175 1 книги Военно-уголовного Устава смертные приговоры, однако трибунал счел возможным отнести их ко 2-й категории повстанцев (т.е. они «не были не предводителями мятежных шаек, ни эмиссарами») согласно циркуляру от 24 мая к военным начальникам отделов Царства Польского²⁰.

В итоге, гарибальдийцы были лишены «всех прав состояния» и подлежали ссылке в каторжную работу в Сибирь. В рудники на 12 лет отправлялись Э. Андреоли, Л. Кароли, Ж. Клеричи, А. Венансио, Л. Меули, Дж. Меули и А. Джупони. А Л.-А. Дие, Ш. Ришар и А. Бенди (Борджиа), «как стоящие по званию и положению своему в обществе гораздо ниже первых», – в крепости на 10 лет²¹.

Вердикт можно рассматривать как политически рассчитанный компромисс: достаточно суровый, чтобы удовлетворить императивы сдерживания и внутреннего порядка, но смягченный, чтобы уменьшить риск провоцирования длительного дипломатического кризиса и избежать появления образа иностранцев-мучеников, казни которых могли бы воспламенить общественное мнение за рубежом.

Военный суд над гарибальдийцами показал, что в условиях борьбы с повстанцами право функционировало не только как независимая судебная сфера, но и как политический инструмент, формируемый оперативной необходимостью, влиянием внешнеполитических отношений и освещением самого процесса в иностранной периодической печати. Суды служили легитимацией карательных мер государства, одновременно являясь инструментами дипломатического управления посредством смягчения приговоров.

Жизненный путь гарибальдийцев от пленения на поле боя и военноплевого суда к каторжным работам был длительным и определялся сложным административно-логистическим процессом, связывавшим военное правосудие с имперской пенитенциарной инфраструктурой.

¹⁹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109 (Третье Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии). Оп. 38. 1-я экспедиция. 1863 г. Д. 23. Ч. 226. О беспорядках в Царстве Польском и в западных губерниях: об итальянцах, отправленных из Царства Польского в Сибирь за участие в мятеже. Л. 101 об.

²⁰ Там же. Л. 103.

²¹ Там же. Л. 102–103 об.

Гарибальдийцам под конвоем пришлось преодолеть маршрут²² [1, с. 23] по железной дороге из Варшавы через Гродно и Санкт-Петербург в Москву, оттуда на «почтовых» через Владимир, Нижний Новгород, Казань, Вятку и Пермь в Тобольск²³, затем пешком, на «почтовых» через Тару, Каинск, Томск, Ачинск, Красноярск, Иркутск²⁴ и Читу²⁵ в Забайкалье, в ведомство комендатуры Нерчинской каторги²⁶ с последующим распределением. Вначале их направили на Петровский железоделательный завод; после реорганизации управления каторгой и выделения двух категорий политических ссыльных²⁷ они оказались ближе к концу 1864 г. на разных рудниках (Кличинский рудник, Александровский Завод, Кадаинский рудник и пр.) [4, с. 140].

Режим транспортировки пленников отражал более общие организационные недостатки российской каторжной системы. Этапирование политических преступников осуществлялось совместно с уголовниками. У ведомства был ограниченный транспортный ресурс. Существовали сезонные ограничения, скудным было снабжение продовольствием. Помимо этого, сказывались болезни и обострение боевых ран гарибальдийцев на фоне физического и морального истощения, а также недостаточного медицинского обслуживания.

Распределение узников по местам отбывания наказания было направлено на снижение вероятной опасности их сопротивления; были изолированы те из них, от кого можно было ожидать такого сопротивления, и за ними необходимо было обеспечить интенсивный надзор.

Однако отнюдь не все мероприятия оказались продуманными; затрудняло контроль то обстоятельство, что французы и итальянцы быстро интегрировались в круг польских и русских политических ссыльных. Например, Л. Кароли, Э. Андреоли, А. Венансио на Кадаинском руднике сдружились с содержащимися там же Н.Г. Чернышевским и М.Л. Михайловым²⁸ [Там же, с. 140]. Общение в рамках

²² Время которого с июля 1863 г. по февраль 1864 г. не входило в срок отбытия наказания.

²³ Где в 1822–1869 гг. действовал созданный по инициативе М.С. Сперанского Тобольский приказ о ссыльных, занимавшийся приемом, учетом и распределением ссыльных [7].

²⁴ Центр Восточно-Сибирского генерал-губернаторства, возглавляемого в 1861–1871 гг. генерал-лейтенантом М.С. Корсаковым.

²⁵ Центр Забайкальской области, военным губернатором которой был в 1864–1874 гг. генерал-майор Н.П. Дитмар.

²⁶ В 1864–1874 гг. возглавлялась генерал-майором М.С. Шиловым.

²⁷ I категория – представители привилегированных сословий и опасные ссыльные, например, Л. Кароли и Э. Андреоли, II – все остальные [1, с. 38].

²⁸ Более того, Э. Андреоли и Л. Кароли жили с Чернышевским в одной хижине [6, с. 184–185].

кружка новых знакомых занимало центральное место в редком досуге гарибальдийцев. Организовывались лекции, читательские кружки и даже неформальные «университетские» вечера [4, с. 142–143]. К этой деятельности администрация Нерчинской каторги относилась терпимо до определенного предела, т.к. она занимала заключенных и являлась своеобразной гарантией предотвращения беспорядков. Но пристальная слежка не отменялась.

Быт ссыльных сочетал жесткую дисциплину, материальную необеспеченность и жесткое бюрократическое регулирование. Каторжная работа была изнурительной, а подверженность внешним воздействиям – повсеместной. Заключенные дробили руду на открытом воздухе, расчищали рельсы, выполняли плотницкие и другие работы по техническому обслуживанию на сильном морозе или в душающей пыли. Невыполнение жестких норм влекло за собой наказание: больных, которые не могли работать, часто дополнительно наказывали, урезая рацион или снова заковывая в кандалы. Медицинское обслуживание существовало, но было непоследовательным. Однако из всех гарибальдийцев скончался лишь Л. Кароли (в Кадае, 8 июня 1865 г., от инфекции головного мозга). Цепи – пятифунтовые кандалы на ногах и, когда требовала дисциплина, кандалы на руках – были постоянным физическим и психологическим спутником.

Официальные пайки были скудными и плохо соответствовали местным ценам. Базового месячного пайка (75 коп. в месяц, а также 2-х пудов муки) было недостаточно на забайкальском рынке, в результате чего гарибальдийцы были вынуждены продавать часть государственной муки, заниматься ремеслами (резьбой по дереву, сапожным делом, производством сигарет) и пр. [1, с. 30–31]. Денежные переводы от родственников (прежде всего, от семьи Л. Кароли) несколько меняли ситуацию. Однако они строго контролировались (был установлен ежемесячный лимит в 25 руб. на человека выделяемых администрацией каторги денег из получаемых ссыльнокаторжными личных средств) и зачастую переводы задерживались из-за волокиты²⁹.

Контакты с внешним миром строго регламентировались. Почта проходила через комендатуру или канцелярию; письма проверялись, цензурировались и направлялись по административным каналам. «Политические» имели право писать «на волю» 3 раза в год. Прошения

²⁹ Однако к некоторым гарибальдийцам у каторжной администрации было особое отношение. Например, графу Л. Кароли генерал Н.П. Дитмар разрешил превышать установленный лимит на 50 руб. ежемесячно, узнав, что получаемые деньги тот делил между товарищами [9, с. 182].

о получении газет, книг и т.д. требовали одобрения нерчинского коменданта М.С. Шилова³⁰.

Ключевое значение для получения родными гарибальдийцев информации об их судьбах, доставления писем и денег имели существовавшие международные каналы связи между С.-Петербургом, Италией и Францией, ведущую роль в которых играли высокопоставленные сотрудники российского МИДа – товарищи министра иностранных дел Н.А. Муханов (1802–1871) в 1861–1866 гг. и в 1866–1875 гг. В.И. Вестман (1812–1875), а также итальянские³¹ и французские³² дипломаты.

О продуктивности и позитивной роли активной деятельности российского МИДа по рассматриваемому вопросу позволяют судить следующие события, нашедшие отражение в архивных материалах³³.

Важным эпизодом является дипломатическая переписка³⁴ в августе–декабре 1863 г. между Н.А. Мухановым и Дж.Н. Пеполи по обращению последнего с просьбами о доставлении ему сведений о состоянии здоровья итальянских пленных, маршруте этапирования их на каторгу и передачи писем. Ее результатом стало обращение Муханова в III отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии (далее III отделение. – *И.С.*) к его управляющему в период с октября 1861 г. по июль 1864 г., начальнику штаба Корпуса жандармов генерал-майору А.Л. Потапову (1818–1886), по итогам которого он сообщил имеющиеся сведения Пеполи 2 декабря 1863 г.

К лету 1863 г. относится получение российским МИДом шести писем к Л. Кароли от его близких, которые было указано перевести и отослать вместе с оригиналами Потапову³⁵.

Следующие эпизоды относятся к судьбе Э. Андреоли. Переписка³⁶, касающаяся доставления ему писем от родителей и ответов на них, велась в период с декабря 1863 г. по осень 1866 г. по обращению Ланна,

³⁰ Когда Л. Кароли близко познакомился с Н.Г. Чернышевским, утвердившим в нем любовь и интерес к русской литературе, то изъявил желание получить (за свой счет) последние издания произведений Пушкина и Лермонтова [4, с. 143]. Его воля, к слову, была исполнена.

³¹ Чрезвычайные и полномочные послы Королевства Италия в России в 1863–1864 гг. маркиз Дж.Н. Пеполи (1825–1881) и в 1864–1867 гг. Э. де Лонэ (1820–1892).

³² Чрезвычайные и полномочные послы Франции в России в 1858–1864 гг. Л.Н. Ланн, герцог Монтебелло (1801–1874) и в 1864–1869 гг. барон Ш. де Талейран-Перигор (1821–1896).

³³ Архив внешней политики Российской империи. Ф. 155 (Департамент внутренних сношений I – 4 «секретные дела»). Оп. 306. 1863 г. Д. 19. По отношению Управляющего III Отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии о пересылаемых из Варшавы в Сибирь итальянцах, взятых в числе инсургентов в Царстве Польском.

³⁴ Там же. Л. 14–21 об.

³⁵ Там же. Л. 3–13 об.

³⁶ Там же. Л. 22–28, 31, 33, 37–39, 42–45, 67–71.

Талейран-Перигора и графа де Массиньяка³⁷. Летом 1863 г. родители Андреоли через Ланна³⁸ попросили сообщить сведения о сыне, от которого уже давно не было вестей. В ответ Муханов 10 (22) июля 1863 г. уведомил французского посла о вынесенном Андреоли приговоре³⁹.

9 (21) июня 1864 г. граф де Массиньяк обращается⁴⁰ к Муханову с просьбой от родителей Андреоли узнать, почему нет ответа от сына на письмо от ноября прошлого года. Уже 16 (28) июня Муханов информирует об этом главу III отделения и шефа Отдельного корпуса жандармов в 1856–1866 гг. князя В.А. Долгорукова (1804–1868) и 20 июня (2 июля) получает пространный ответ⁴¹ от А.Л. Потапова. Тот сообщал, что упомянутое письмо было оправлено тогда же «по принадлежности», а письма самого Андреоли не могли быть отправляемы, т.к. только 14 (26) мая 1864 г. было Высочайше разрешено политическим преступникам сообщать о себе раз в 3 месяца самым близким родным, но т.к. теперь такое разрешение имеется, то к ответу прилагается письмо Андреоли, которое III отделение просит передать «по принадлежности», и сверх того сообщить родителям Андреоли, что они могут адресовать впредь письма к сыну прямо в Иркутск, в Управление губернатора Восточной Сибири. В итоге, уже 23 июня (5 июля) Муханов пересылает извещение от Потапова и письмо Андреоли графу де Массиньяку⁴².

Путь к освобождению гарибальдийцев был сложным административным процессом, тесно переплетенным с внутренней российской политикой и европейской дипломатией. С того момента, как полевые суды вынесли суровые приговоры, иностранные дипломаты и семьи ссыльных начали непрерывные кампании с требованием амнистии.

Архивные материалы позволяют отметить основные вехи этого процесса. В 1864 г.⁴³ с просьбой о помиловании обращаются письменно

³⁷ Временный поверенный в делах Франции в Санкт-Петербурге.

³⁸ Нота Л.Н. Ланна от 28 июня (10 июля) 1863 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 155 (Департамент внутренних сношений I – 4 «секретные дела»). Оп. 306. 1863 г. Д. 19. По отношению Управляющего III Отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии о пересылаемых из Варшавы в Сибирь итальянцах, взятых в числе инсургентов в Царстве Польском. Л. 1–1 об.

³⁹ Архив внешней политики Российской империи. Ф. 155 (Департамент внутренних сношений I – 4 «секретные дела»). Оп. 306. 1863 г. Д. 19. По отношению Управляющего III Отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии о пересылаемых из Варшавы в Сибирь итальянцах, взятых в числе инсургентов в Царстве Польском. Л. 2.

⁴⁰ Там же. Л. 25–25 об.

⁴¹ Там же. Л. 27–27 об.

⁴² Там же. Л. 28.

⁴³ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109 (Третье Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии). Оп. 38. 1-я экспедиция. 1863 г. Д. 23. Ч. 226. О беспорядках в Царстве Польском и в западных губерниях: об итальянцах, отправленных из Царства Польского в Сибирь за участие в мятеже. Л. 65, 67, 69–70, 111.

в сентябре Барбара Меули (мать братьев Меули), а в октябре семья Кароли (брат Бернард и сестра Элиза, последняя в т.ч. на аудиенции во время пребывания Александра II в Ницце [9, с. 85]) и Фанни Джупони (жена А. Джупони), и, наконец, лично к Александру II в Лионе родители Андреоли. В 1865 г. они через барона Талейран-Перигора вновь просят об амнистии сына, а в начале 1866 г. об амнистии гарибальдийцам ходатайствовал российский посланник в Австрии граф Э.Г. фон Штакельберг (1814–1870)⁴⁴.

Вынести решение по данным обращения было Высочайше поручено наместнику Царства Польского графу Ф.Ф. Бергу, т.к. приговор был подтвержден в свое время в Царстве Польском. Во всех случаях в помиловании было отказано. В первом – потому что амнистия не могла касаться лишь некоторых из осужденных по одному делу⁴⁵, а во втором и третьем – потому что в отношении гарибальдийцев уже ранее было проявлено более чем значительное послабление (смертная казнь заменена ссылкой)⁴⁶.

Наконец, в конце февраля – начале марта 1866 г. III отделением, вице-канцлером А.М. Горчаковым, а затем императором был одобрен проект тобольского губернатора А.И. Деспот-Зеновича (1828–1894) об устройстве быта политических ссыльных во вверенной ему губернии. Входящие в их число иностранцы (их было немного) выслались на родину с запретом въезда на территорию Российской империи «навсегда»⁴⁷.

Особый интерес представляет справка⁴⁸, составленная в связи с обращением 31 августа (12 сентября) 1866 г. от Министерства внутренних дел к начальнику III отделения, в котором дело Э. Андреоли сравнивается с аналогичным делом австрийского подданного А. Мидовича, получившим в итоге помилование, и особо отмечается, что «вина Андреоли не больше этого»⁴⁹.

⁴⁴ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109 (Третье Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии). Оп. 38. 1-я экспедиция. 1863 г. Д. 23. Ч. 226. О беспорядках в Царстве Польском и в западных губерниях: об итальянцах, отправленных из Царства Польского в Сибирь за участие в мятеже. Л. 112–112 об.

⁴⁵ Там же. Л. 112.

⁴⁶ Там же. Л. 113.

⁴⁷ Архив внешней политики Российской империи. Ф. 155 (Департамент внутренних сношений I – 4 «Секретный стол»). Оп. 241. 1866 г. Д. 10. По отношению министра внутренних дел о находящихся в Сибири политических ссыльных иностранцах. Л. 1–2.

⁴⁸ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109 (Третье Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии). Оп. 38. 1-я экспедиция. 1863 г. Д. 23. Ч. 226. О беспорядках в Царстве Польском и в западных губерниях: об итальянцах, отправленных из Царства Польского в Сибирь за участие в мятеже. Л. 111–114.

⁴⁹ Там же. Л. 113 об. – 114.

Процесс помилования гарибальдийцев был ускорен после манифестов 16 (28) апреля и 28 октября (9 ноября) 1866 г. (изданным вслед за неудачным покушением Д. Каракозова на Александра II 4 (16) апреля 1866 г.). Срок каторжных работ был сокращен⁵⁰ сначала вполнину для Л. и Дж. Меули, Дж. Клеричи, А. Джуони, А. Венансио, а затем остальное время еще на четверть. Для Ф. Арканжелли также предписывалось сократить срок работ вполнину, а затем остальное время на одну треть, а после выдворение на казенные земли Енисейской губернии. Э. Андреоли же высылался на родину. В декабре 1866 г. помилованы А. Бенди, Ш. Ришар⁵¹.

Процесс освобождения и реализации принятых постановлений растянулся на значительное время. Сначала гарибальдийцы переводились в разряд «испытуемых», затем «исправляющихся» [1, с. 46–47], серьезную задержку планам каторжной администрации доставило восстание польских ссыльных на Кругобайкальском тракте 24 июня – 25 июля 1866 г. Оставались также нерешенные вопросы с документами возвращающихся ссыльных, обеспечение транспортом и пр.

Подводя итог, отметим, что рассмотрение участия гарибальдийских добровольцев в Январском восстании 1863–1864 гг. в Царстве Польском требует учета нескольких взаимосвязанных факторов: внутривосточных процессов в Италии, связанных с событиями при Аспромонте 1862 г.; тесных связей движения Рисорджименто и польского национального движения; и более широкого феномена международной революционной националистической солидарности XIX в.

Историю Легиона полковника Ф. Нулло и дальнейшую судьбу его членов следует рассматривать в контексте участия волонтеров в революциях XIX в. Она показывает особенности функционирования российской судебной и пенитенциарной системы в условиях принятия правительством Александра II чрезвычайных мер по борьбе с польским восстанием 1863–1864 гг. на фоне давления европейских держав и необходимости решения сложного юридического и дипломатического вопроса внешнеполитическими ведомствами Российской империи, Италии и Франции.

⁵⁰ Архив внешней политики Российской империи. Ф. 155 (Департамент внутренних сношений I – 4 «секретные дела»). Оп. 306. 1863 г. Д. 19. По отношению Управляющего III Отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии о пересылаемых из Варшавы в Сибирь итальянцах, взятых в числе инсургентов в Царстве Польском. Л. 54–57 об.

⁵¹ Там же. Л. 63.

Библиографический список / References

1. Гулин А.С. Гарибальдийцы в Январском польском восстании и на Нерчинской каторге 1863–1867 // Андреоли Э. Из Польши в Сибирь: дневник пленного, 1863–1867 / пер. с фр., вступ. ст., примеч. А.С. Гулина. Чита, 2011. С. 9–67. [Gulin A.S. Garibaldians in the Polish January Uprising and in the Nerchinsk penal servitude of 1863–1867. *Andreoli E. Iz Polshi v Sibir: dnevnik plennogo, 1863–1867*. A.S. Gulin (trans. from French, intro. article, notes). Chita, 2011. Pp. 9–67. (In Rus.)]
2. Кубалов Б.Г. Гарибальдийцы и поляки-повстанцы в Тарбагатае // Ученые записки Географического Общества СССР. Вост.-Сиб. отд. обл. музея краеведения. Вып. 4. Ч. 1. Вопросы истории Сибири. Иркутск, 1971. С. 98–101. [Kubalov B.G. Garibaldians and Polish insurgents in Tarbagatai. *Uch. zapiski Geograficheskogo Obshchestva SSSR. Vost.-Sib. otd. obl. muzeia kraevedeniia*. Issue 4. Part 1 (Questions of the History of Siberia). Irkutsk, 1971. Pp. 98–101. (In Rus.)]
3. Кубалов Б.Г. Из сибирских встреч Н.Г. Чернышевского // Исторический архив. 1963. № 3. С. 283–284. [Kubalov B.G. From Siberian encounters with N.G. Chernyshevsky. *Historical Archive*. 1961. No. 3. Pp. 283–284. (In Rus.)]
4. Кубалов Б.Г. Н.Г. Чернышевский, М.Л. Михайлов и гарибальдийцы на кадаинской каторге // Сибирские огни. 1959. № 6. С. 139–144. [Kubalov B.G. N.G. Chernyshevsky, M.L. Mikhailov and the Garibaldians at the Kadayinsk Katorga. *Sibirskiye Ogni*. 1959. No. 6. Pp. 139–144. (In Rus.)]
5. Кубалов Б.Г. Страницы из жизни гарибальдийцев в Петровском заводе // Свет над Байкалом. 1960. № 4. С. 139–141. [Kubalov B.G. Pages from the life of the Garibaldians at Petrovsky Zavod. *Svet nad Baikalom*. 1960. No. 4. Pp. 139–141. (In Rus.)]
6. Роберти А. Луиджи Кароли и итальянские гарибальдийцы в Сибири и их взаимоотношения с Николаем Гавриловичем Чернышевским // Н.Г. Чернышевский: статьи, исследования и материалы. 2018. Вып. 21. С. 180–186. [Roberti A. Luigi Caroli and the Italian Garibaldians in Siberia and their relations with Nikolai Gavrilovich Chernyshevsky. *N.G. Chernyshevskiy: stati, issledovaniya i materialy*. 2018. No. 21. Pp. 180–186. (In Rus.)]
7. Фёдорова И.В. Сибирская реформа М.М. Сперанского и регламентация ссылки // Вопросы российской юстиции. 2019. № 4. С. 46–53. [Fedorova I.V. M.M. Speransky's Siberian Reform and the regulation of exile. *Voprosy rossiiskoi iustitsii*. 2019. No. 4. Pp. 46–53. (In Rus.)]
8. Шрейдер Г.И. Италия и Польша в 1863 г. // Голос минувшего. 1915. № 4. С. 249–263. [Shreider G.I. Italy and Poland in 1863. *Golos Minuvshego*. 1915. No. 4. Pp. 249–263. (In Rus.)]
9. Ferlej-Bielañska K. Nullo i jego towarzysze. Warszawa, 1923.
10. Gardner M. An Italian Tragedy in Siberia. *The Sewanee Review*. 1926. Vol. 34. No. 3. Pp. 329–338.
11. Locatelli G.M. I Bergamaschi in Polonia nel 1863, ricordi della spedizione di Francesco Nullo, narrati da un superstite (cap. Paolo Mazzoleni) e raccolti da G. Locatelli. Bergamo, 1893.
12. Locatelli G.M. I Bergamaschi in Siberia 1863–1867. Ricordi di un volontario di Nullo, deportato nel Trans-Bajkal raccolti de G. Locatelli. Bergamo, 1894.

13. Locatelli G.M. La spedizione di Francesco Nullo in Polonia (1863). Con prefazione di Stefan Żeromski. Rome, 1913.
14. Locatelli G.M. Nella Siberia orrenda. Faville di italico eroismo sulle steppe e nelle galere siberiane. Narrazione di Alessandro Venanzio, compagno di Nullo nella spedizione in Polonia del 1863. Milano, 1933.
15. Ostrowski A. Francesco Nullo, bohater Polski i Włoch. Warszawa, 1970.
16. Zanchi A. Il dramma di Luigi Caroli. Pagine inedite di dolore e d'amore di forzati in Siberia per l'indipendenza della Polonia (1863–1866). Bergamo, 1936.

Статья поступила в редакцию 05.11.2025, принята к публикации 22.12.2025
The article was received on 05.11.2025, accepted for publication 22.12.2025

Сведения об авторе / About the author

Соловьёв Иван Сергеевич – аспирант кафедры истории России Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

Ivan S. Solovyov – PhD student at the Department of Russian History of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University

E-mail: ivan-solovyov22@yandex.ru